

УДК 81.001.1

ДВА ВЗГЛЯДА НА ЭКОЛОГИЮ ЯЗЫКА И ЭКОЛОГИЧЕСКУЮ ЛИНГВИСТИКУ

А. В. Кравченко

Подчеркивается методологическая непоследовательность определения предметной области эколингвистики по Хаугену, обусловленная имплицитной биоморфной метафорой, языковым мифом и смешением противоположных подходов к языку, характерных для когнитивного интернализма и когнитивного экстернализма. Предлагается более последовательное определение экологии языка с опорой на биологию познания как теорию живых систем, что заставляет иначе определить предметную область эколингвистики, в центре внимания которой должны быть природа и функция языка как способа организации живой системы (общества) и его роль в развитии мозга, мышления и сознания.

Ключевые слова и фразы: язык; биология; экология; живые системы; когнитивная структура.

TWO VIEWS ON THE ECOLOGY OF LANGUAGE AND ECOLINGUISTICS

A. V. Kravchenko

It is shown that the definition of the subject area of Haugenian ecolinguistics is methodologically inconsistent because of the implicit biomorphic metaphor, the language myth, and indiscrimination between the two different approaches to language known as cognitive internalism and cognitive externalism. A more consistent definition of language ecology is given, based on the biology of cognition as a theory of living systems; consequently, the subject area of ecolinguistics is defined differently, with a focus on the nature and function of language as a mode of organization of the living system (society) and its role in the development of the brain, thought, and mind.

Keywords and phrases: language; biology; ecology; living systems; cognitive structure.

1. Эпистемологический поворот

Языкознание как наука имеет долгую историю. Изучение языка не только предшествует исследованиям в других областях; оно является **первичной** наукой по отношению ко всем другим наукам. Более того, наука в целом является языковым конструктом, потому что ученые накладывают свой язык на сущности, выделяемые и именуемые посредством этого же языка [Harris 2005]. Роль языка в жизни человека ни с чем не сравнима, однако изучение языка на протяжении нескольких тысячелетий не оказало сколько-нибудь заметного влияния на поэзис и теорию, отличающиеся от человеческой практики (в Аристотелевом смысле) – в отличие, например, от физики, химии, биологии или компьютерной науки. Это говорит о глубоком методологическом кризисе в языкознании, эпистемологические основания которого не позволяют объяснить саму природу языка.

Проблема природы и функции языка и его отношения к сознанию, очевидно, не может быть решена в рамках картезианской парадигмы. Насквозь дуалистичная картина языка,

которую рисует традиционное языкознание, препятствует прогрессу в изучении языкового поведения человека как того, что, собственно, и делает вид *homo sapiens* таким уникальным. Природа языковой способности, равно как и роль языка в эволюционном развитии нашего вида, до конца не поняты и должным образом не объяснены. Мы продолжаем находиться в плену мифов, которыми живет языкознание [Harris 2001; Linell 2005; Кравченко 2013а], а рассуждения о языке на уровне здравого смысла и на этом же самом языке часто принимаются за научное объяснение. Для преодоления методологического кризиса в гуманитарной науке в целом, и в языкознании в частности, **необходима новая эпистемология**, основанная на понимании, что **язык как явление укоренен в человеческой биологии, и мы, как люди, существуем в языке** [Maturana 1978; Kravchenko 2011; Jennings & Thompson 2012; Кравченко 2013б].

Как люди, мы становимся тем, что мы есть, погружаясь в поток совместной деятельности с другими, или в **языковую деятельность**. В процессе наших совместных действий мы ориентируемся на слова как повторяющиеся систематизированные аспекты вокализаций, несущих исторически обусловленную информацию [Cowley 2011]. Слышать «слова» – это, примерно, то же, что видеть «вещи» на картинке: сначала мы научаемся слышать слова, а затем использовать то, «что мы слышим», как способ наложения ограничений на наши поступки. Таким образом, языковые взаимодействия между индивидами становятся важнейшей частью среды, с которой адаптивное поведение человека должно быть конгруэнтно. Для человека как биологического вида эволюционную функцию языка можно определить как поддержание эпигенетического механизма, ответственного за эволюцию гоминид в *homo sapiens* [Deacon 2009], тогда как онтогенетически его эволюционная функция состоит в наложении ограничений на когнитивное развитие организма в системе организм-среда (см. [Järvillehto 1998]). Такая система образуется индивидами и реляционной областью языка как единства взаимодействий.

Опираясь на биологию познания как теорию живых систем [Maturana 1970] и рассматривая язык как биологически укорененную, социально обусловленную, когнитивно мотивированную, кругообразно организованную деятельность ориентирующего (семиотического) характера в консенсуальной области взаимодействий, представители биологически ориентированной когнитивной науки (когнитивной науки третьего поколения) выступают за такой подход к языку, при котором языковые взаимодействия, определяющие и поддерживающие когнитивную нишу человеческого общества как живой системы, являются **важнейшим экологическим фактором** [Кравченко 2005], влияющим на

эволюционное развитие человека. Такое понимание экологии языка существенным образом отличается от понятия языковой экологии, введенного в научный оборот Э. Хаугеном [Haugen 1972] и послужившего отправной точкой в определении предметной области новой лингвистической дисциплины – эколингвистики.

2. Экология языка и эколингвистика по Хаугену

С тех пор, как Э. Геккель [Haeckel 1886] дал определение экологии как науки об отношениях организмов с окружающей средой, она превратилась в фундаментальное подразделение биологии, исследующее свойства жизни надорганизменного уровня организации, а ее основной предмет – изучение совокупности живых организмов, взаимодействующих друг с другом и образующих с окружающей средой некое единство, т. е. систему. В биологии познания такие системы рассматриваются как живые (когнитивные) системы, в основе организации которых лежит единство взаимодействий организмов в их когнитивной нише. Таким образом, говоря об экологии чего-то, мы не должны забывать, что это что-то должно подпадать под определение организма или совокупности организмов как живой системы, иначе самый термин теряет свой изначальный смысл.

Вот определение языковой экологии, данное Хаугеном и очерчивающее предметную область эколингвистики как отдельной научной дисциплины:

Языковую экологию можно определить как науку о взаимодействиях между языком и его окружением (environment)... Под окружением языка понимается общество, использующее язык как один из своих кодов. Язык существует только в сознании тех, кто его использует, и его функция состоит в установлении отношений пользователей языка друг к другу и к природе, т.е. к их социальному и естественному окружению. Частично экология языка имеет физиологическую природу – это его взаимодействие с другими языками в сознании билингвов и мультилингвов. Частично его экология социологична – в его взаимодействии с обществом, в котором он функционирует как средство коммуникации. Экология языка определяется главным образом людьми, которые учат его, используют и передают другим [Haugen 1972: 325] (мой перевод. – А.К.).

Нетрудно видеть, что в этом определении ясно представлены воззрения Хаугена на язык, сочетающие в себе противоречащие или просто исключаящие друг друга посылки, а именно: (1) биоморфную метафору, когда имплицитно подразумевается организменная сущность языка, «взаимодействующего с обществом как своим окружением»; (2) языковой миф – веру в то, что язык представляет собой некий код, используемый как средство (инструмент)

коммуникации; (3) когнитивный интернализм («язык находится в сознании тех, кто его использует»); (4) когнитивный экстернализм («люди учат язык и передают другим»).

Популяризированная А. Шлейхером в середине XIX в. биоморфная метафора («язык – это живой организм») давно и прочно вошла в метаязык ортодоксальной лингвистики и часто просто не замечается теми, кто говорит о взаимодействии такого-то языка с другими языками и с обществом, о разных стадиях в развитии языка (возникновение, развитие, взросление, старение, смерть), о выживании языка и его приспособлении к меняющимся условиям среды, о языковых мутациях и т. д. т. п. Язык гипостазируется в некий объект, которому приписываются характерные для организмов черты – например, такие, как интенциональность и адаптивная пластичность. Говоря о взаимодействии языка с обществом как окружающей язык средой, т. е. объективируя язык как наделенное интенциональностью живое существо, Хауген одновременно считает его кодом, используемым обществом в инструментальной функции. Но каким образом обладающая интенциональностью сущность (живой организм) может быть использована в качестве инструмента или орудия, если только речь не идет о домашних животных типа лошади или собаки? Вряд ли язык можно уподобить лошади, «перевозящей» груз мыслей от одного говорящего к другому и обратно.

То, что язык – это «один из кодов общества», которым оно пользуется – распространенное заблуждение, являющееся частью языкового мифа как веры в то, что язык служит выражению (кодированию) и передаче мыслей из одной головы в другую. Знаковая система языка в ортодоксальной лингвистике рассматривается как средство (инструмент), с помощью которого якобы осуществляется коммуникация как обмен мыслительным содержанием по каналу связи в виде языковых знаков. Неадекватность такого взгляда на язык очевидна всякому, кто понимает, что такое код (см. [Kravchenko 2007]).

Несмотря на свою очевидную несовместимость, и биоморфный, и инструменталистский подход к языку оба укоренены в философии объективного реализма, согласно которой существует так называемая объективная реальность, которая никак не зависит от человека и от того, что он о ней думает или говорит (см. [Searle 1998]). Для ортодоксального лингвиста язык – будь то в качестве инструмента (вещи) или живого организма – является частью внешней по отношению к человеку реальности, и именно в этом качестве он объективируется до уровня абсурда, когда начинает рассматриваться как нечто, самостоятельно существующее в этой реальности и вступающее с ней во взаимодействия.

В то время как инструменталистский или биоморфный взгляды на язык образуют основу когнитивного экстернализма, для генеративистов язык находится в мозге (когнитивный интернализм) в виде особого «языкового органа», который растет и развивается с ростом и развитием человеческого организма. Время, в которое Хауген заговорил об экологии языка (начало 1970-х), было временем триумфального шествия генеративизма по планете, и это явным образом отразилось в рассматриваемом определении экологии языка в виде тезиса о его частично физиологической природе («взаимодействие языка с другими языками в сознании билингов и мультилингов»). Опредемчивание сознания и языка как чего-то, находящегося в мозге – ошибочный эпистемологический посыл когнитивной науки главного направления. Такие понятия, как разум, сознание, мышление и интенциональность, «соответствуют проводимым нами различениям между разными аспектами нашей реляционной динамики, характерной для нашего функционирования как человеческих существ, и как таковые они не находятся в наших телах, равно как и не являются локализуемыми функциями мозга» [Maturana, Mpodosis & Letellier 1995: 24]. Тем не менее, приверженцы языкового мифа, к числу которых следует отнести и эколингвистов, взявших на вооружение предложенный Хаугеном подход к определению экологии языка, продолжают верить в инструментальную функцию языка. Их внимание сосредоточено на состоянии языка как знаковой системы, обусловленное социальными и другими, так называемыми экстралингвистическими факторами, оказывающими положительное или отрицательное влияние на язык (см., напр., [Ионова 2010]). Задаваемая таким подходом предметная область эколингвистики оказывается неадекватной, а эколингвистические исследования не выходят за рамки языкового мифа. Чтобы уйти от порочной практики объективирования языка и наделения его чертами, свойственными живым организмам, необходимо вырваться из эпистемической ловушки языка и посмотреть на него с позиций теории живых систем, частным видом которых является человеческое общество.

3. Экология языка в теории живых систем

Как живые системы третьего порядка (в биологии познания живые системы первого порядка – это одноклеточные организмы, а системы второго порядка – многоклеточные организмы) социальные системы не только биологичны; будучи единствами взаимодействий со средой и оперируя в реляционной области взаимодействий, они создают определенную экологическую нишу, которая не может быть охарактеризована в терминах физического пространства. Но если, например, звериную стаю и человеческое общество рассматривать как живые системы одного порядка, неизбежно возникает вопрос: «Какие черты в

организации этих систем составляют то существенное различие, которое делает их такими разными?» Ответом на вопрос будет: «Язык». Для людей их реляционная область конституируется языковой деятельностью как видоспецифичным социально обусловленным поведением. Это поведение существенным образом влияет на насыщенный контекст экологической/когнитивной ниши человека, вне которой его понимание невозможно (см. [Ross 2007; Steffensen 2011]). Когнитивные способности высшего уровня, которыми наделен человек, отличаются от когнитивных способностей других высокоорганизованных животных; человек предрасположен к языку как особой области когнитивных взаимодействий. Языковая деятельность – это определяющая черта человеческих индивидов как компонентов сообщества, а ее важнейшие, применительно к стабильности динамической системы, результаты (такие, как эмерджентные феномены сознания и воли) ограничиваются пределами системы языковых взаимодействий и проявляются в границах сложного единства, образуемого говорящими людьми.

Когнитивные способности человека, отличающие его от всех остальных биологических видов, **возникают** в процессе развития компонентов системы (молодых особей) в полностью функциональных субъектов, способных к целеполаганию и проявлению воли. Хотя системное поведение человеческого общества в целом зависит от когнитивных способностей его компонентов, сами эти когнитивные способности возникают в области языка (отношений между компонентами) **как системного поведения человеческого общества**. Именно в этом проявляется экологический характер отношений между человеческим обществом и областью языковых взаимодействий как той средой, в которой происходит формирование когнитивной структуры человеческого организма [Кравченко 2011].

Игнорирование экологического характера языка как реляционной области приводит к непониманию процессов, формирующих когницию на уровне как индивида, так и общества. Эти процессы влияют на когнитивную структуру человека и организацию общества как живой системы, определяя соответствующие системы ценностей и экзистенциальные траектории. Важнейшему измерению человека и общества, определяющему их эволюцию как когнитивных (живых) систем, не уделяется должного внимания, что отрицательно сказывается на общем состоянии когнитивной науки. Признание экологического характера языковых взаимодействий, обеспечивающих единство общества как живой системы, заставляет радикальным образом пересмотреть роль языка в эволюции когнитивной ниши человека. С экологической точки зрения, можно говорить о языковых изменениях как

изменениях в окружающей среде, вызванных деятельностью отдельных организмов; в свою очередь, эти изменения начинают оказывать влияние на самих индивидов.

Экологический подход к языку позволяет рассматривать языковые изменения, вызванные факторами как внутрикультурного, так и межкультурного характера, в рамках экологической лингвистики как дисциплины, изучающей процессы и виды деятельности, в которых люди (на уровне индивида, группы, популяции или вида) используют окружающую среду для создания расширенной, насыщенной смыслами экологии, которая поддерживает их экзистенциальные траектории [Steffensen & Fill 2014]. Экзистенциальные траектории, основанные на определенных системах ценностей, не заданы раз и навсегда; они могут меняться с изменением смыслов, пропитывающих поддерживающую эти ценности экологию (см. [Kravchenko & Voiko 2014]); а смыслопорождение в значительной мере определяется приписыванием аспектам среды семиотической значимости, происходящим в потоке переживаемого опыта.

Биологически ориентированный подход к определению понятия «экология языка» по своим методологическим основаниям отличается от понятия экологии языка в духе Хаугена: **под экологией языка понимается его биокогнитивная функция поддержания общества как живой системы в единстве ее когнитивных (ориентирующих языковых) взаимодействий.** Такой подход позволяет глубже понять влияние общественной языковой практики на характер и особенности онто- и филогенеза человека разумного, включая формирование системы ценностных ориентиров и экзистенциальных траекторий на уровне индивида и общества. Представляется, что именно это должно составлять предметную область эколлингвистики как научной дисциплины, в фокусе внимания которой находятся природа и функция языка как способа организации живой системы (общества) и его роль в развитии мозга, мышления и сознания. Исследования в этом ключе только начинаются, и перспективы у них хорошие (см. [Pennycook 2004; Кравченко 2005; Ross 2007; Bang et al. 2007; Hodges 2007; Steffensen & Hill 2014]).

Список литературы

- Bang, J. C., Døør, J. (ed. by S. V. Steffensen and J. Nash). Language, Ecology and Society: A dialectical approach. London: Continuum, 2007. 248 p.
- Cowley, S. J. Taking a language stance. *Ecological Psychology*, 23(3). 2011. Pp. 185–209.
- Deacon, T. W. Relaxed selection and the role of epigenesis in the evolution of language. In M. S. Blumberg, J. H. Freeman and S. R. Robinson (eds.), *Oxford Handbook of Developmental Behavioral Neuroscience*. New York: Oxford University Press, 2009. Pp. 730–752.
- Haeckel, E. *Generelle Morphologie der Organismen*. Berlin: G. Reimer, 1866. 574 S.

- Harris, R. *The Language Myth in Western Culture* (Routledge Advances in Communication and Linguistic Theory). London: Routledge, 2001. 320 p.
- Harris, R. *The Semantics of Science*. Continuum International Publishing Group Ltd, 2005. 240 p.
- Haugen, E. *The Ecology of Language*. Stanford University Press, 1972. 366 p.
- Hodges, B. Good prospects: ecological and social perspectives on conforming, creating, and caring in conversation. *Language Sciences*, 29(5). 2007. Pp. 584–604.
- Järvillehto, T. The theory of the organism-environment system: I. Description of the theory. *Integrative Physiological and Behavioral Science*, 33. 1998. Pp. 317–330.
- Jennings, R. E. and J. J. Thompson. The biological centrality of talk. In A. V. Kravchenko (ed.), *Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012. Pp. 33–63.
- Kravchenko, A. V. Essential properties of language, or, why language is not a code // *Language Sciences*, 29(5). 2007. Pp. 650–671.
- Kravchenko, A. V. How Humberto Maturana's biology of cognition can revive the language sciences. *Constructivist Foundations*, 6(3). 2011. Pp. 352–362.
- Kravchenko, A. V., Boiko, S. A. What is happening to Russian? Linguistic change as an ecological process. *Russian Journal of Communication*, 2014. DOI: 10.1080/19409419.2014.908733
- Linell, P. *The Written Language Bias in Linguistics*. London: Routledge, 2005. 264 p.
- Maturana H. R. *Biology of cognition*. BCL Report 9.0. Urbana, IL: University of Illinois, 1970. 27 p.
- Maturana H. R. *Biology of language: The epistemology of reality*. In G. Miller and E. Lenneberg (eds.), *Psychology and Biology of Language and Thought*. New York: Academic Press, 1978. Pp. 28–62.
- Maturana, H., J. Mpodozis, and J. C. Letelier. Brain, language, and the origin of human mental functions. *Biological Research*, 28. 1995. Pp. 15–26.
- Pennycook, A. Language policy and the ecological turn. *Language Policy*, 3(3). 2004. Pp. 213–239.
- Ross, D. H. sapiens as ecologically special: what does language contribute? *Language Sciences*, 29(5). 2007. Pp. 710–731.
- Searle, J. R. *Mind, Language and Society: Philosophy in the real world*. New York: Basics Books, 1998. 192 p.
- Steffensen, S. V. Beyond mind: An extended ecology of languaging. In S. J. Cowley (ed.), *Distributed Language*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2011. Pp. 185–210.
- Steffensen, S. V. and Fill, A. Ecolinguistics: the state of the art and future horizons. *Language Sciences*, 41. 2014. Pp. 6–25.
- Ионова С. В. Основные направления эколингвистических исследований: зарубежный и отечественный опыт // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. № 1(11). 2010. С. 86–93.
- Кравченко А. В. Бытие человека и экология языка // Лингвистические парадигмы и лингводидактика. Мат-лы 10-й междунауч.-пр. конф. 14–18 июня 2005, Иркутск. 2005. С. 59–63.
- Кравченко А. В. Что такое “когнитивная структура”, или об одном распространенном заблуждении // Когнитивные исследования языка. Вып. 9: Взаимодействие когнитивных и языковых структур. М.; Тамбов. 2011. С. 96–104.
- Кравченко А. В. (2013а). От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания. М.: Рукописные памятники Древней Руси. 2013а. 388 с.

Кравченко А. В. Биологическая реальность языка // Вопросы когнитивной лингвистики, 1. 2013б. С. 55–63.

References

- Bang, J. C., Døør, J. (ed. by S. V. Steffensen and J. Nash). *Language, Ecology and Society: A dialectical approach*. London: Continuum, 2007. 248 p.
- Cowley, S. J. Taking a language stance. *Ecological Psychology*, 23(3). 2011. Pp. 185–209.
- Deacon, T. W. Relaxed selection and the role of epigenesis in the evolution of language. In M. S. Blumberg, J. H. Freeman and S. R. Robinson (eds.), *Oxford Handbook of Developmental Behavioral Neuroscience*. New York: Oxford University Press, 2009. Pp. 730–752.
- Haeckel, E. *Generelle Morphologie der Organismen*. Berlin: G. Reimer, 1866. 574 S.
- Harris, R. *The Language Myth in Western Culture* (Routledge Advances in Communication and Linguistic Theory). London: Routledge, 2001. 320 p.
- Harris, R. *The Semantics of Science*. Continuum International Publishing Group Ltd, 2005. 240 p.
- Haugen, E. *The Ecology of Language*. Stanford University Press, 1972. 366 p.
- Hodges, B. Good prospects: ecological and social perspectives on conforming, creating, and caring in conversation. *Language Sciences*, 29(5). 2007. Pp. 584–604.
- Järvillehto, T. The theory of the organism-environment system: I. Description of the theory. *Integrative Physiological and Behavioral Science*, 33. 1998. Pp. 317–330.
- Jennings, R. E. and J. J. Thompson. The biological centrality of talk. In A. V. Kravchenko (ed.), *Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012. Pp. 33–63.
- Kravchenko, A. V. Essential properties of language, or, why language is not a code // *Language Sciences*, 29(5). 2007. Pp. 650–671.
- Kravchenko, A. V. How Humberto Maturana's biology of cognition can revive the language sciences. *Constructivist Foundations*, 6(3). 2011. Pp. 352–362.
- Kravchenko, A. V., Boiko, S. A. What is happening to Russian? Linguistic change as an ecological process. *Russian Journal of Communication*, 2014. DOI: 10.1080/19409419.2014.908733
- Linell, P. *The Written Language Bias in Linguistics*. London: Routledge, 2005. 264 p.
- Maturana H. R. Biology of cognition. BCL Report 9.0. Urbana, IL: University of Illinois, 1970. 27 p.
- Maturana H. R. Biology of language: The epistemology of reality. In G. Miller and E. Lenneberg (eds.), *Psychology and Biology of Language and Thought*. New York: Academic Press, 1978. Pp. 28–62.
- Maturana, H., J. Mpodozis, and J. C. Letelier. Brain, language, and the origin of human mental functions. *Biological Research*, 28. 1995. Pp. 15–26.
- Pennycook, A. Language policy and the ecological turn. *Language Policy*, 3(3). 2004. Pp. 213–239.
- Ross, D. H. sapiens as ecologically special: what does language contribute? *Language Sciences*, 29(5). 2007. Pp. 710–731.
- Searle, J. R. *Mind, Language and Society: Philosophy in the real world*. New York: Basics Books, 1998. 192 p.
- Steffensen, S. V. Beyond mind: An extended ecology of languaging. In S. J. Cowley (ed.), *Distributed Language*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2011. Pp. 185–210.
- Steffensen, S. V. and Fill, A. Ecolinguistics: the state of the art and future horizons. *Language Sciences*, 41. 2014. Pp. 6–25.

Ionova, S. V. Osnovnyje napravlenija ecolingvističeskikh issledovanij: zarubežnyj i otečestvennyj opyt [Main directions in ecolinguistic research: advances in Russia and abroad]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Linguistics Series. № 1(11). 2010. Pp. 86–93.

Kravchenko, A. V. Bytije čeloveka i ekologija jazyka [Human existence and language ecology]. *Lingvističeskije paradigmy i lingvodidaktika 10: Conference Proceedings*. Irkutsk, 2005. Pp. 59–63.

Kravchenko, A. V. Čto takoe "kognitivnaja struktura", ili ob odnom rasprostranennom zabluzhdenii [What is "cognitive structure": on a certain common error]. *Kognitivnyje issledovanija jazyka*. Vol. 9: Vzaimodejstvie kognitivnykh i jazykovykh struktur. Moscow; Tambov, 2011. Pp. 96–104.

Kravchenko, A. V. *Ot jazykovogo mifa k biologičeskoj real'nosti: pereosmysliaja poznavatel'nyje ustanovki jazykoznaninja* [From the language myth to biological reality: Rethinking the epistemological assumptions of linguistics]. Moscow: Rukopisnyje pamiatniki Drevnej Rusi, 2013a. 388 p.

Kravchenko, A. V. Biologičeskaja real'nost' jazyka [The biological reality of language]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. №1. 2013б. Pp. 55–63.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Кравченко Александр Владимирович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков

Байкальский государственный университет экономики и права

Россия, 664003, Иркутск, ул. Ленина, 11

E-mail: sashakr@hotmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Kravchenko Alexander Vladimirovich, Doctor of Philology, Full Professor, Head of the Department of Foreign Languages

Baikal National University of Economics and Law

11 Lenin St., Irkutsk 664003 Russia

E-mail: sashakr@hotmail.com